

**НЕКОРРЕКТНОЕ РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ:
ТЕКСТ И МЕТАТЕКСТ**

Ольга Е. Фролова

МГУ имени М.В. Ломоносова
ORCID ID: 0000-0002-7667-236X
olga_frolova@list.ru
Москва, Россия

Ключевые слова: речевое воздействие, метатекст, общество, модель манипуляции, точка зрения, сдвоенные роли

Аннотация. В статье анализируется интервью политконсультанта Г. Павловского, данное И. Шихман, представляющее собой своеобразный метатекст манипуляции общественным мнением. Для манипулятора модель манипуляции предполагает, что адресат становится инструментом достижения цели, для самого адресата манипулятор является равноправным участником коммуникации. Поэтому в описании манипуляции следует внести понятие точки зрения, поскольку только при несовпадении точек зрения на коммуникативный акт манипулятор может добиться успеха. Ситуация 1999 г., которую описывает Павловский, – формирование нового лидера и обеспечение успеха на выборах – возможна при определенных качествах общества, которые говорящий характеризует как «слабость». Модель данной ситуации такова: адресант – говорящий, адресат, заказчик, объект – новый лидер, образец – интеллигентный силовик, инструмент – СМИ, цель – избрание нового лидера.

INCORRECT SPEECH IMPACT: TEXT AND METATEXT

Olga E. Frolova

Lomonosov Moscow State University
ORCID ID: 0000-0002-7667-236X
olga_frolova@list.ru
Moscow, Russia

Keywords: speech impact, metatext, society, manipulation model, point of view, dual roles

Summary. The article analyzes the interview given by the political consultant G. Pavlovsky to I. Shikhman, which is a kind of a metatext of manipulating public opinion. The manipulation model for the manipulator assumes that the addressee becomes an instrument to achieve a goal, for the addressee himself the manipulator is an equal participant in communication. Therefore, the concept of a point of view should be introduced into the description of manipulation, since only if the points of view on a communicative act do not coincide, the manipulator can achieve success. The 1999 situation that Pavlovsky describes – forming a new leader and ensuring electoral success – is possible with certain qualities of society, which the speaker characterizes as “weakness”. The structure of this situation may be described as follows: the sender is the speaker, the addressee, the customer, the object is a new leader, the model is an intelligent security officer, the tool is the media, the goal is to elect a new leader.

С помощью речи передается информация, меняется восприятие и даже картина мира адресата. И в этом случае лингвисты говорят о речевом воздействии, которое мы вслед за П.Б. Паршиным понимаем как «воздействие на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, иными словами – с помощью сообщений на естественном языке» (Паршин: электрон. ресурс). Некорректное речевое воздействие часто имеет манипулятивный характер (см. (Балахонская, Сергеева, 2020; Копнина, 2007; Стернин, 2001)). Манипуляция же определяется как «искусное, незаметное психологическое воздействие, цель которого – изменить какие-то аспекты мышления или особенности поведения адресата» (Балахонская, Сергеева, 2020: 91). Это явление рассматривают также как средство управления человеком (Шиллер, 1980: 22). Манипуляция сложна по характеру и включает в себя механизмы не только речевого, но и психологического воздействия на человека в самых разных сферах его жизнедеятельности: от бытового общения до политического дискурса.

Адресант создает высказывание, или текст. Связность текста обеспечивается, в частности, метатекстовыми элементами (см. (Мартине, 1960; Вежбицкая, 1978; Лукин, 1999). Под метатекстом мы, вслед за А.А. Буровым, понимаем «“язык «второго порядка”, по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как “язык-объект”, т.е. как предмет лингвистического исследования. Этот термин одним из первых в лингвистическом дискурсе употребил А. Мартине для обозначения “лингвистической структуры, в которой язык выступает планом содержания”» (Буров: электрон. ресурс).

В нашем случае текст имеет манипулятивную природу, а метатекст понимается как экспликация речевых действий адресанта.

Изучение феномена манипуляции опирается на четыре дисциплины: логику, риторику, психологию и лингвистику.

Логика и риторика еще в античные времена включили в свой предмет теорию аргументации и, в частности, аргументации некорректной, на чем может строиться подчинение мнения адресата позиции говорящего (Асмус, 1947; Тахо-Годи, 1978). Были описаны логические ошибки как «ошибки в умозаклучениях, рассуждениях, определениях понятий, доказательствах и опровержениях, вызванные нарушением законов и искажениям форм мышления» (Кондаков, 1974: 313).

Исследованию манипуляции также было посвящено много психологических работ (Берн, 2016; Берн, 2017; Кара-Мурза, 2007; Латынов, 2012; Левин, 2007; Чалдини, 2020). Как полагает Г. Шиллер, манипуляция строится на иллюзии адресата, что он свободен в своем выборе (Шиллер 1980: 25–41). Адресат не понимает истинной цели манипулятора, которая заключается в «контроле на всех уровнях над информационным аппаратом и аппаратом формирования идей» (Шиллер, 1980: 22). Психологами описаны приемы воздействия на адресата: опора на стереотипы, подчинение давлению общества, зависимость от взятых обязательств, имитативное поведение (Чалдини, 2020).

В лингвистике манипуляцию связывают с искажением истины и демагогией (Левин, 1998; Николаева, 2000). Опираясь на неполное описание ситуации или добавляя в описание новых партиципантов, играя модальностями, изменяя референциальный статус участника, представляя единичное событие как повторяющееся, говорящий искажает представление адресата о событии, имевшем место во внеязыковой действительности.

Модель манипулятивного речевого воздействия имеет две стороны: для адресата это традиционное речевое взаимодействие «адресант – адресат», а для манипулятора модель меняется: «адресант – адресат = инструмент – цель». Как видим, манипуляция строится на несовпадении точек зрения участников речевого акта, и ее успех возможен только тогда, когда адресат считает себя равноправным партнером с адресантом. Таким образом, понятие точки зрения должно быть принято во внимание при анализе манипулятивного речевого воздействия.

Если говорить о влиянии на общественное мнение, то одним из ведущих инструментов воздействия, осуществляемого с помощью

языка и речи, являются СМИ (Блакар, 1998). Наряду с журналистами на настроения общества оказывают воздействие и представители относительно новых профессий – политтехнологи, политологи и политконсультанты. Одна из задач манипуляции – привести адресата к когнитивным изменениям в картине мира. При успешном воздействии в общественном сознании происходят изменения, приводящие к сдвигам в умонастроениях социума, политике и экономике страны.

Мы опираемся на метод референциального, семантического и стилистического анализа текста, имеющий целью реконструкцию имплицитных элементов высказывания и коммуникативного намерения адресанта.

Предметом нашего рассмотрения будет описание деятельности политконсультанта, направленной на изменение российского общества и системы институтов власти. Материал – интервью Г.О. Павловского с журналистом И. Шихман, размещенное на видеохостинге Youtube на канале Шихман «А поговорить?». Интервью длительностью 1 час 40 минут 33 секунды было размещено на сайте Youtube 5 февраля 2021 г., к 12 мая 2021 г. набрало 1 409 964 просмотра. Интервью было расшифровано нами, далее анализировался полученный текст объемом 65 245 знаков.

Герой интервью – Глеб Олегович Павловский, 1951 г.р., – один из самых известных российских политконсультантов. Выпускник исторического факультета Одесского университета, в 1970-е гг. участник диссидентского движения, в 1982–1985 гг. осужден и выслан из Москвы. В конце 1990-х он сблизился с Администрацией президента и участвовал в разработке модели перехода власти от Б.Н. Ельцина к его преемнику (Бекбулатова: электрон. ресурс)¹.

Специфика материала заключается в том, что Г. Павловский описывает процесс воздействия на общественное мнение изнутри, с точки зрения непосредственного участника, а не стороннего наблюдателя. Кроме того, его ответы не содержат примеров некорректного речевого воздействия, а описывают их, т.е. представляют собой своеобразный метатекст, в котором адресант излагает принципы и приемы воздействия, обеспечившие изменения в настроениях общества и, в конечном итоге, электоральный успех.

Предварительное описание модели ситуации выглядит следующим образом: говорящий / адресант – адресат (общество) – объект воздействия (новое лицо на политической арене) – инструмент (СМИ).

Показательна автохарактеристика говорящего:

¹ Информация опубликована в иностранном СМИ, выполняющем функции иностранного агента (включена в реестр Минюста РФ 23.04.2021).

(1) *Я был среди тех людей, кто делал Путина как политика (Шихман: электрон. ресурс)².*

В модели ситуации говорящий претендует на роль агенса. Президенту отведена роль объекта воздействия.

Цель, которую агенс преследует, описывается следующим образом:

(2) *Это была моя цель в 90-е годы – **восстановить сильную власть**. Когда я понял, что **сильной** ее сделать нельзя, и я понял, что ее надо оснастить... **инструментами силы**, которые помогут ей как бы уходить от лобового столкновения, в котором выяснится сразу, что она **слаба**. Строить институты некогда, строить государство некогда... Надо вооружить **кучку слабых людей инструментами силы**. Да, это была моя идея. И она удалась.*

В примере 2 показателен предикат, выраженный глаголом *восстановить*. «Большой толковый словарь русского языка» описывает три значения данного слова, два из них близки: «1. Привести в прежнее состояние, вернуть в прежнее положение. <...> 2. Установить, вновь представить что-л. забытое; воспроизвести» (Кузнецов, 2002: 132). Употребление в речи этого глагола предполагает цепь ситуаций: С1 с сильной государственной властью; С2 со слабой властью; С3, равная С1, т.е. возвращение к сильной государственной власти. Какой исторический период говорящий имеет в виду, восстанавливая сильную власть, остается неясным. Это не могут быть 1990-е гг., когда институты советской государственной власти были демонтированы, а новые находились в процессе формирования на основании принятой в 1993 г. Конституции. Институты государственной власти в советский период были самыми сильными, видимо, в 1930–50-е гг. К какому именно периоду в истории СССР апеллирует адресант, он не проясняет.

Показательно противопоставление *силы* и *слабости*. Объект, на который направлены усилия агенса, – это государство, однако предложенное воздействие не изменяет ситуацию коренным образом, а создает лишь видимость изменений: *сильной ее сделать нельзя*.

Характеристика *слабый* также относится к именной группе (далее – ИГ) *люди*. Референт может быть интерпретирован как ‘население страны’. Оппозиция сила / сильный (12 употреблений) и слабость / слабый (11 употреблений), по-видимому, важна для говорящего. В 9 случаях такое определение получает существительное *человек*.

² Здесь и далее интервью цитируется по этому источнику без ссылок на него.

В целях эксплицирования системы понятий и терминологии политконсультанта мы выделили из диалога Ирины Шихман и Глеба Павловского только ответы последнего и проанализировали частотность употребления лексики с помощью программы Istio.com³. Поскольку говорящий занимался созданием образа нового политика, который был бы принят аудиторией, важно, каким образом адресант характеризует адресата. Выбор номинаций показывает и отношение говорящего, и его представление о российском постсоветском социуме: *общество* – 2 словоупотребления, *население* – 2, *народ* – 11, *люди* – 37. Выбор последнего существительного показателен в том отношении, что это наименее структурированная общность. И именно это существительное оказывается самым частотным в рассуждениях говорящего.

(3) *Граждане Советского Союза – люди хорошие, но слабые, которые так вот обошлись со своим государством, а потом немедленно стали жалеть буквально на другой день, они и должны были получить примерно такого политика. Почему? Потому что они хотели бесплатной политики, они хотели политики без риска, они хотели политики, в которой не надо проявлять активность, не надо реально формировать партии. Они хотели политики без политики, они хотели как бы демократии, как лобби кушать. Ну вот они и получили Путина.*

По-видимому, говорящий апеллирует к нескольким значениям прилагательного *слабый*: «не обладающий душевной твердостью, стойкостью, твердым характером; недостаточно сильный, не имеющий значительной мощи; незначительный по степени своего проявления; малозаметный» (Кузнецов, 2002: 1205). В этом примере дается достаточно резкая характеристика обществу, поскольку, как, видимо, считает говорящий, отсутствие последовательной и проявляемой продолжительное время активности – политики без риска, партий, как бы демократии – привело к появлению неактивного участника на политической сцене. *Слабый* в примере 3 – это участник ситуации, стремящийся к роли пациента.

Далее Павловский делает попытку снять отрицательные коннотации у прилагательного *слабый*, на что указывает употребление уточнения *в хорошем смысле*:

(4) *Уже в середине 90-х я понял, что я живу в стране слабых, слабых в хорошем, не в ругательном смысле. Слабые люди <...>. Слабые люди – это люди. Люди, которые спрашивают: «А что еще с*

³ Istio.com – Сервис анализа текстов онлайн. SEO. URL: <https://istio.com/> (дата обращения: 31.01.2021).

нами сделают каждый раз?» Не говорят, что я с ними сделаю. Да? И не говорят, как я отвечу, если кто-то попытается со мной что-то сделать. А все время спрашивают: «А не случится ли чего?»

В интерпретации говорящего *слабые люди* не чувствуют возможности противостоять некой деперсонифицированной силе, что выражается в неопределенно-личном предложении *А что еще с нами сделают каждый раз?*, субъект которого «уведен в тень», далее субъект выражен неопределенным местоимением *кто-то*.

В представлении говорящего более важным является не противопоставление «общество – власть», а «Россия – Запад», что противоречит его самоидентификации.

(5) Я вообще-то западник. Но Запад, действительно, наступал, протрите, в девяносто девятом году, как нам казалось. Мне казалось точно, и счет идет уже просто на недели после войны в Югославии. Что мы следующие – это было для меня очевидно. Нам предъявлять ультиматум так же, как Югославии. И если бы нам предъявили ультиматум, то регионы бы бросились врассыпную. Москва не имела никакой возможности их удержать. Поэтому я в ночь победы Путина поднял тост за русский манхэттенский проект. То, что мы успели построить машину в последний момент, которая уже не давала нас просто раздавить. Но, конечно, это была не гарантия. Конечно же, я не думал, что группа товарищей собьется вокруг этой машины и решит: всё, мы в домике. Так будет всегда.

Противоречие можно усмотреть в декларации приверженности Павловского западным ценностям и в то же время боязни Запада. Говорящий апеллирует к Манхэттенскому проекту – «программе работ по созданию ядерного оружия в США. Принята президентом США Ф. Д. Рузвельтом в авг. 1942 г. <...> Летом 1942 в результате соглашения с брит. правительством воен. мин-ву США было поручено организовать совместную деятельность специалистов обеих стран по использованию ядерной энергии в воен. целях» (Мальков: электрон. ресурс). После бомбардировок Хиросимы и Нагасаки проект не был свернут. «Атомные бомбардировки стали одним из первых актов начинавшейся “холодной войны” и гонки ядерных вооружений» (Мальков: электрон. ресурс). Павловский видит прямую аналогию между программой США и необходимостью ответа со стороны России: *я... поднял тост за русский манхэттенский проект.*

Параллель между распадающейся Югославией и Россией возможна, как, видимо, считает Павловский, если сравнивать гражданскую войну на Балканах и чеченские войны 1994–96 и 1999–2000 гг. в России, о которых Павловский не упоминает.

Показательны три обстоятельства. Первое: ситуация описывается с помощью предикатов, выраженных глаголами в формах будущего времени, т.е. ситуация представлена как гипотетическая, а не имеющая место в настоящем. Кроме того, говорящий обращается к условной модальности. Второе: адресант показывает, что его представления о расстановке политических сил претерпели изменения: *как нам казалось, мне казалось точно*. Предикат в модальной рамке, выраженный глаголом *казаться*, интерпретируется как отмененный результат, т.е. в момент речи говорящий уже не придерживается этих взглядов. И наконец, третье: в примере 6 актуализована новая ИГ *группа товарищей*, имеющая референт 'президентское окружение'. Фразеологизм *в домике*, как указывает электронный ресурс, «пришел» из детской игры в салки, в которой водящий стремится догнать убегающих и дотронуться до них, тогда эта роль переходит к тому, кого догнал и до кого дотронулся водящий. Однако убегающий может прибегнуть к защите – *домик*. Фраза *я в домике* означает 'я не играю, я под защитой'⁴.

Успех воздействия на адресата зависит от его статуса. ИГ *люди* говорящий, как мы уже говорили, отводит роль пациенса, которому свойственно не действие, а состояние. Источником погружения адресата в это состояние является власть.

(6) *Там, где они не ждали, это очень важно, а они от власти ничего хорошего не ждали, вдруг появляется надежда. Надежда. Она появляется в зоне власти. Это очень сильно, потому что к этому времени уже было известно, что люди не хотят новой революции. Они не хотят, чтобы кто-то ворвался в Кремль, так сказать, с топорами и ружьями. Они хотят, чтобы власть каким-то чудом переменялась. И была уже идея, что это должен быть какой-то силовик. Нам нужен интеллигентный силовик.*

В примере 6 говорящий, описывая ожидание людей, употребляет также существительное *чудо*, которое предполагает, что результат появится без приложения усилий со стороны власти. В этой связи показательно, что противопоставление *власть – оппозиция* для говорящего не актуально, поскольку первое существительное употреблено 29 раз, а второе в речи Павловского не представлено.

В манипулятивной модели, которую описывает говорящий, важен участник, которого мы называем образцом. И. Шихман обращается к опросам общественного мнения 1999 г., проведенным двумя

⁴ Что означает народное выражение «я в домике»? Когда оно обычно применяется? URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3542988-cto-oznachaet-narodnoe-vyrazhenie-ja-v-domike-kogda-ono-obychno-primenjaetsja.html> (дата обращения: 02.02.2021).

социологическими службами, которые задали респондентам вопрос: «За кого из киногероев вы бы проголосовали на президентских выборах?» ВЦИОМу были названы Петр Первый, Глеб Жеглов, Георгий Жуков и Штирлиц, РОМИРу – Жуков, Штирлиц, Жеглов. Штирлиц – главный герой советского телесериала «17 мгновений весны» 1973 г., снятого режиссером Т. Лиозновой по сценарию Ю. Семёнова, – был избран в качестве образца, на который должен походить новый политический лидер страны (Шпагин: электрон. ресурс). Видимо, не были приняты в расчет несколько обстоятельств: Штирлиц в фильме был советским разведчиком в 1945 г. в Германии, т.е. в тылу врага, а кроме того, после выхода фильма Штирлиц стал персонажем многочисленных анекдотов. Тем не менее, так были выработаны сам образец и его номинация *интеллигентный силовик*.

(7) *Нам нужен интеллигентный силовик. <...> Уже считалось, что люди уже устали от журналистов, которые, в общем-то говоря, окружали Ельцина все девяностые годы. <...> Последняя попытка был Кириенко. Последняя попытка. Умный мальчик в очках. Явный, так сказать, интеллигент. И сразу после его прихода, да, через полгода – дефолт. Всё. Следующий не может быть в очках, поэтому бедняга Путин, хотя дальнзорок, он их не одевает. Для него просто печатают каким-то большим кеглем. Все пробы уже с осени 98-го были силовиками... Это же всё не случайно. Это уже всё в одном кластере поиск.*

В примере 7 описывается ситуация смены общественных ожиданий. Новый политический лидер не может быть журналистом и принадлежать к интеллигенции, которую говорящий характеризует с помощью предметной детали *очки*.

Расхождение между образцом и объектом тем не менее было, как стремится показать Павловский, всё же существенным. На это указывает ответ политконсультанта на прямой вопрос журналистки.

(8) ИШ: *Насколько Путин изначально был похож на Штирлица, или все-таки его приходилось делать?*

ГП: *Нет, это, конечно, нет. Какой это Штирлиц? Но идея в том, что кандидат в президенты должен появиться, как будто материализоваться в воздухе из ниоткуда. Должна возникнуть реакция «Ах! Как я этого не заметил?» И конечно, у нас была идея, что кандидат появляется, расконспиравшись, то есть он был тут, но не мог вступить в действие, и вот теперь он выходит на сцену.*

ИШ: *А что это рождает у народа?*

ГП: *Это рождает у людей ощущение «Ах!»*

Павловский описывает появление нового политического лидера страны как явление фигуры из тени на свет, говорящий употребляет глагол *материализоваться*, т.е. «*книжн.* воплотиться – воплощаться в конкретные осязаемые формы. || *разг.* осуществиться – осуществляться» (Кузнецов, 2002: 524). Причем имеется в виду первое значение, предполагающее переход от небытия к бытию. Расчет политконсультанта и его команды был на реакцию крайнего удивления общества, описанную с помощью междометия *ах*, которое «выражает испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление, возмущение и т.п.» (Кузнецов, 2002: 52).

Успех был бы невозможен без изучения настроений адресата, поэтому *слабые люди* помимо обогащения надеждой и чудесным появлением нового лидера на политической арене должны были, как полагает говорящий, получить ощущение *силы* от электорального сплочения.

(9) *Путинское большинство – это был способ объяснить чудо взрывного роста рейтинга Путина. <...> Было ощущение, что к нему повернулась страна. И путинское большинство – это была игра на этом ощущении. То есть человек, который за Путина, он с самого начала может причислять себя к большинству страны, а это приятно. Понимаете, для большинства людей, если они не являются там какими-то там резкими интеллигентами, это приятно. Люди любят принадлежать к большинству.*

Говорящий вновь обращается к существительному *чудо*. В это же время он характеризует диалог с избирателем как *игру*. Показательно, что, в представлении Павловского, от принадлежности к большинству могут уклониться те, кого говорящий называет *резкими интеллигентами*. Расчет предвыборного штаба был на коллективную эмоциональную реакцию электората.

Теперь вернемся к манипулятивной модели, как ее описывает Павловский. Она представляется таким образом: адресант – говорящий, адресат, заказчик, объект – новый лидер, образец – интеллигентный силовик, инструмент – СМИ, цель – избрание нового лидера. В данной модели множественный адресат: политические и экономические элиты страны, общество. Адресант является и агенсом, и демиургом. В модели также можно наблюдать наложение ролей: адресат, заказчик и объект обнаруживают общность, так же как и адресат и инструмент. Предполагается, что в качестве бенефицианта выступают и заказчик, и объект. Расчет на эмоциональную реакцию, чудо и игру свидетельствует о том, что адресат является для говорящего инструментом.

Однако понятие точки зрения «работает» и в другом направлении. Так, для заказчика инструментом достижения цели стал политконсультант.

В комментарии журналистки ситуация описана следующим образом:

(10) *Из администрации президента Глеба Павловского попросили в 2011 году. Ну как попросили? Он пришел на работу, а пропуск не сработал.*

После увольнения Павловский начал выступать с критикой политики действующего президента. Вопрос И. Шихман возвращает Павловского к его диссидентской юности.

(11) ИШ: *Вы считаете сегодня себя диссидентом? Я имею в виду, что диссидентом к действующей власти.*

ГП: *Да она не заслужила, с моей точки зрения, чтобы я и по отношению к ней был диссидентом. Это, к сожалению, неудачный эксперимент. Российская Федерация, нынешняя, в ее нынешнем виде – это неудавшийся эксперимент.*

Подведем итоги. Анализируемый материал представляет собой своеобразный метатекст, эксплицирующий приемы воздействия на общественное мнение: опору на эмоции аудитории, стремление сплотить ее в электоральное большинство, добиться неожиданного для адресата эффекта. В модели, описываемой Павловским, присутствуют два дополнительных участника – объект и образец. В качестве объекта выступает новый политический лидер, а образца – главный герой фильма «17 мгновений весны» Штирлиц, получающий номинацию *интеллигентный силовик*. Прототипическая манипуляция успешна, если расходятся точки зрения адресанта и адресата. Поэтому понятие точки зрения следует учитывать при изучении данного феномена. Однако точка зрения может изменить и конкретную манипулятивную ситуацию, когда ее партиципant, претендующий на роль агенса и демиурга, оказывается инструментом для заказчика.

Факторы успеха воздействия на аудиторию сводятся к следующему: адресат не структурирован, на что указывает номинация *люди*, а не *общество*; адресат осознает себя не как агенса, а как пациенс, поэтому выбрана характеристика *слабый*, образ нового лидера отвечает ожиданиям социума, который должен сплотиться вокруг него, отсюда номинация *путинское большинство*, появление же лидера должно ассоциироваться с *силой* и вызывать положительный эмоциональный отклик у общества, что выражается с помощью существительного *чудо* и междометия *ах*.

Источники/Sources

- Бекбулатова, Т. (2018). Диссидент, который стал идеологом Путина. Полная история Глеба Павловского – человека, придумавшего современную российскую власть. В: *Медуза*. 9 июля. URL: <https://meduza.io/feature/2018/07/09/dissident-kotoryu-stal-ideologom-putina> (Accessed: 15.03.2021). (In Russian.)
- Мальков, В.Л. Манхэттенский проект. В: *Большая российская энциклопедия*. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2184023 (Accessed: 15.03.2021). (In Russian.)
- Шихман, И. (2021). *Глеб Павловский – человек, который «создал» Путина*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bo_-0ft9ZOw (Accessed: 15.03.2021). (In Russian.)
- Шпагин, А.В. Т.М. Лиюнова. В: *Большая российская энциклопедия*. URL: https://bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/5173318 (Accessed: 20.03.2021). (In Russian.)

Литература/References

- Асмус, В.Ф. (1947). *Логика*. Москва: Государственное издательство политической литературы [Asmus, V.F. (1947). *Logics*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury]. (In Russian.)
- Балахонская, Л.В., Сергеева, Е.В. (2020). *Лингвистика речевого воздействия и манипулирования: Учебное пособие*. Москва: Флинта [Balakhonskaya, L.V., Sergeeva, E.V. (2020). *Linguistics of speech influence and manipulation*. Moscow: Flinta]. (In Russian.)
- Берн, Э. (2017). *Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений*. Москва: Бомбора [Bern, Èrik. (2017). *Games People Play. The Psychology of Human Relationships*. Moscow: Bombora]. (In Russian.)
- Берн, Э. (2016). *Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы*. Москва: Бомбора [Bern, Èrik. (2016). *What Do You Say After You Say Hello. The psychology of human destiny*. Moscow: Bombora]. (In Russian.)
- Блакар, Р.М. (1998). Язык как инструмент социальной власти. В: Сергеев, В.М., Паршин, П.Б. (Сост.). *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Благовещенск: Издательство Благовещ. гуманитар. колледжа им. И.А. Бодуэна де Куртенэ [Blakar, R.M. (1998). Language as an instrument of social power. In: Sergeev, V.M., Parshin, P.B. (Compls.). *Language and modeling of social interaction*. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii humanitarnyi kolledzh imeni I.A. Boduena de Kurtene]. (In Russian.)
- Буров, А.А. (2010). *Проблема метатекста в современной лингвистике* [Burov, A.A. (2010). *The problem of metatext in modern linguistics*]. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/f61/uch_2010_viii_00003.pdf (Accessed: 04.05.2020). (In Russian.)
- Чалдини, Р. (2020). *Психология влияния*. Санкт-Петербург: Питер [Cialdini, R. (2020). *The psychology of influence*. St. Petersburg: Piter]. (In Russian.)

- Кара-Мурза, С.Г. (2007). *Манипуляция сознанием*. Москва: Эксмо [Kara-Murza, S.G. (2007). *Consciousness manipulation*. Moscow: Eskimo]. (In Russian.)
- Кондаков, Н.И. (1974). *Логический словарь-справочник*. Москва: Наука [Kondakov, N.I. (1974). *Logical dictionary – reference book*. Moscow: Nauka]. (In Russian.)
- Копнина, Г.А. (2007). *Речевое манипулирование: Учебное пособие*. Москва: Флинта [Kopnina, G.A. (2007). *Speech manipulation*. Moscow: Flinta]. (In Russian.)
- Кузнецов, С.А. (Ред.) (2002). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт [Kuznetsov, S.A. (Ed.) (2002). *Big Dictionary of Russian Language*. St. Petersburg: Norint]. (In Russian.)
- Латынов, В.В. (2012). Психологическое воздействие: принципы, механизмы, теории. В: Журавлёв, А.Л., Павлова, Н.Д. (Ред.). *Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия*. Москва: Издательство Института психологии РАН [Latynov, V.V. (2012). *Psychological impact: principles, mechanisms, theories*. In: Zhuravlev, A.L., Pavlova, N.D. (Eds.). *Psychological impact: Mechanisms, strategies, opportunities for counteraction*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psihologii RAN]. 11-52. (In Russian.)
- Левин, Р. (2007). *Механизмы манипуляции: защита от чужого влияния*. Москва: И.Д. Вильяме [Levin, R. (2007). *Manipulation mechanisms: protection from someone's influence*. Moscow: I.D. Vil'iamе]. (In Russian.)
- Левин, Ю.И. (1998). О семиотике искажения истины. В: Левин, Ю.И. *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. Москва: Языки русской культуры [Levin, Yu.I. (1998). On the semiotics of the distortion of truth. In: Levin, Yu.I. *Selected Works. Poetics. Semiotics*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury]. 594-605. (In Russian.)
- Лукин, В. (1999). *Художественный текст: Основы теории и элементы анализа* Москва: Ось-89 [Lukin, V. (1999). *Literary text: Fundamentals of theory and elements of analysis*. Moscow: Os'89]. (In Russian.)
- Мартине, А. (1960). О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева. В: Звегинцев, В.А. (Ред.). *Новое в лингвистике*. Вып. 1. Москва: Издательство иностранной литературы [Martinet, A. (1960). About the book "Foundations of Linguistic Theory" by Louis Yelmslev. In: Zvegintsev, V.A. (Ed.). *New in linguistics*. Issue 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury]. 63-72. (In Russian.)
- Николаева, Т.М. (2000). «Лингвистическая демагогия» – мощное оружие убеждения коммуниканта. В: Николаева, Т.М. *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры [Nikolaeva, T.M. (2000). "Linguistic demagoguery" is a powerful weapon of communicant's persuasion. In: Nikolaeva, T.M. *From sound to text*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury]. 155-161. (In Russian.)
- Паршин, П.Б. Речевое воздействие. В: *Энциклопедия «Кругосвет»* [Parshin, P.B. *Speech Impact*. In: *Encyclopedia "Krugosvet"*]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_V_OZDESTVIE.html (Accessed: 05.03.2021). (In Russian.)

- Стернин, И.А. (2001). *Введение в речевое воздействие*. Москва: РГБ [Sternin, I.A. (2001). *Introduction to speech impact*. Moscow: Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka]. (In Russian.)
- Шиллер, Г. (1980). *Манипуляторы сознанием*. Москва: Мысль [Shiller, G. (1980). *Manipulators of consciousness*. Moscow: Mysl']. (In Russian.)
- Тахо-Годи, А.А. (Сост. и ред.) (1978). *Античные риторики*. Москва: Издательство МГУ [Taho-Godi, A.A. (Compl., Ed.) (1978). *Ancient Rhetorics*. Moscow: Izdatei'stvo MGU]. (In Russian.)
- Вежбицка, А. (1978). Метатекст в тексте. В: Николаева, Т.М. (Ред.). *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8. Москва: Прогресс [Vezhbitska, A. (1978). *Metatext in the text*. In: Nikolaeva, T.M. (Ed.). *New in foreign linguistics*. Issue 8. Moscow: Progress]. 402-421. (In Russian.)